Н. М. Павловъ.

О ЗНАЧЕНІИ „ВЫБОРНЫХЪ“

по русскому народному воззрѣнію.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17.
1905.

Н. М. Павловъ.

О ЗНАЧЕНІИ „ВЫБОРНЫХЪ"

по русскому народному воззрѣнію.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17.
1905.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ. 20 Мая 1905 года.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“ за 1905 г.

О значеніи „выборныхъ“ по русскому народному воззрѣнію.

Слишкомъ два года тому назадъ, когда еще не было и слуха объ японской войнѣ, а министръ Внутреннихъ Дѣлъ того времени хвалился уже, что благоустроилъ все, что было расшатано его предмѣстниками, вдругъ нежданно какъ для него, такъ и для прочихъ „правительственныхъ сферъ“—огласился, какъ благовѣстъ по Русской Землѣ, царскій манифестъ 1903 года, февраля 26 дня.

Возвѣщенное въ немъ изволеніе Государя—„*довершить дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской Землѣ въ соотвѣтствіе съ возникающими потребностями народной жизни*“—тогда-же предуказывало, что для того, чтобы „*удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ*“ самое достиженіе цѣли „*усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни*“ не иначе полагается быть возможнымъ, какъ „*при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ*“.

Если значеніе этого государственнаго акта кѣмъ и было наименѣе сознано въ тѣ дни, такъ именно „правительственными сферами“ тѣхъ дней. Всѣмъ имъ велѣно было тогда-же стать на новый предуказанный путь—такъ и было изображено въ манифестѣ: „*Повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ*“.

Всѣ, имѣющіе очи чтобъ видѣть и уши чтобъ слышать, могли-ли не радоваться такимъ предначертаніямъ? Всему, что у насъ раскололось, обѣщано было съ высоты Престола, вновь придти въ соединенье. А раскололось на-двое въ Россійской Имперіи—со введеніемъ у насъ чуждаго, привнесеннаго къ намъ съ Запада государственнаго абсолютизма—то самое, что прежде находилось въ неразрывной связи и полномъ единствѣ:

съ одной стороны *государево дѣло*, а съ другой—*дѣло земское*. Вѣдь, царскій манифестъ 1903 года 26 февраля возвѣстилъ именно такое „государственное усовершенствованіе", такое „*укрѣпленіе правды и порядка въ Русской Землѣ*", которое лишь при царившемъ въ петербургскій періодъ *régime impérial bureaucratique* могло казаться „нововведеніемъ". Въ глазахъ-же истинно-русскихъ людей это казалось поворотомъ къ нашимъ роднымъ завѣтамъ, возвращеніемъ съ чужбины домой, тою *правдой* и тѣмъ *порядкомъ*, по которымъ больше ста лѣтъ воздыхали множайшія поколѣнія, томившіяся привнесеннымъ въ нашу исторію *чуждымъ началомъ*, влекшимъ насъ неизбѣжно на конституціонный путь. Не того ждали они впереди, чтобы напослѣдокъ окончательно „*приложиться къ западнымъ*", а чаяли обновленія въ русскомъ духѣ: „*такой новизны, въ которой-бы старина наша слышалась*". Они ждали: да не будетъ петербуржской розни между государевымъ дѣломъ и земскимъ! и расколовшееся роковымъ образомъ на̀-двое да будетъ вновь *одно*, что и выражалось встарину извѣстной формулой: „*государево-земское дѣло*".

Но многіе ли въ нашихъ „правительственныхъ сферахъ", закаленныхъ петербуржскимъ *régime impérial bureaucratique*, и въ само̀мъ „интеллигентномъ обществѣ" нашемъ, такъ ратующемъ теперь противъ бюрократіи, многіе-ли видятъ и слышатъ: въ чемъ состоятъ запросы русской народной жизни?

Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, втеченіи десяти мѣсяцевъ 1903 года, не только не исполнили порученной имъ задачи: „*представить соображенія о порядкѣ исполненія царскихъ предначертаній*", не умѣли и разобраться въ ней, даже не знали: какъ приступить къ дѣлу? Вотъ, по прошествіи года слишкомъ, благодаря выраженному въ томъ манифестѣ 1903 года 26 февраля царскому изволенію: „*положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія въ основу трудовъ*" по крестьянскому дѣлу и „*вяще укрѣпить благосостояніе основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства*"—явились по волѣ Государя благотворныя узаконенія 6 и 7 іюня 1904 года, облегчающія крестьянамъ переселенія на свободныя государевы земли, даруемыя имъ въ надѣлы. И что-же? Эти-то первостепенной важности узаконенія оказались, словно, чужды и вовсе нежеланны для нашихъ „правительственныхъ сферъ"! а въ ладъ съ бюрократіей, умолчало и молчитъ объ этихъ узаконеніяхъ и все наше „интеллигентное общество": объ нихъ даже до сихъ поръ ничего неизвѣстно въ публикѣ. Бюрокра-

тическія сферы, заинтересованныя лишь охраненіемъ вскормившаго ихъ *régime impérial bureaucratique*, весьма своеобразно интересуются благосостояніемъ народнымъ. Они въ такой мѣрѣ ровно ничего не сдѣлали во исполненіе воли Законодателя, что на его-же собственныя рамена пала тяжесть дальнѣйшаго развитія всего, что было предуказано 26 февраля 1903 года. И къ концу уже слѣдующаго 1904 года (въ декабрѣ мѣсяцѣ 12 дня) послѣдовалъ Высочайшій именной указъ Сенату, подробно излагающій *„Предначертанія къ усовершенствованію государственнаго порядка“*.

А обнаружилась-ли хоть въ чемъ нибудь благотворная дѣятельность со стороны нашего интеллигентнаго общества за то-же время? Увы! Кромѣ многочастныхъ и многообразныхъ уклоненій съ прямого пути, повѣнчавшихся напослѣдокъ уличными демонстраціями Гапона—ничѣмъ другимъ не проявило себя наше „интеллигентное общество“ за ту-же пору. Нѣтъ—возразятъ намъ—всѣ эти уличныя демонстраціи и стачки, забастовки *„отъ взволнованности“* и т. п., конечно, лишь отрицательныя явленія; но были же однако какія-то нибудь дѣйствія и стремленія положительнаго характера, въ которыхъ выразились общественные идеалы нашихъ „интеллигентовъ“? трудились-же и трудятся надъ чѣмъ нибудь взволнованные профессора и адвокаты, забастовавшіе одни—читать лекціи, а другіе—расточать адвокатское краснорѣчіе?

О, да! и справедливость требуетъ сказать въ этомъ случаѣ, что какъ со стороны общественныхъ дѣятелей нашихъ думъ и „земствъ“, университетовъ и консерваторій и проч. и проч. ратующихъ у насъ противъ бюрократіи, также и со стороны бюрократическихъ сферъ, апплодирующихъ такому общественному движенію своихъ мнимыхъ противниковъ, не прекращалась кипучая дѣятельность все одна и та-же. Тѣ и другіе много потрудились надъ распространеніемъ у насъ общественнаго обмана о необходимости конституціи. Въ этомъ лозунгѣ сошлись они всѣ, и даже трудно разобрать: мнимымъ-ли противникамъ бюрократовъ, самимъ-ли бюрократамъ отдать пальму первенства въ этомъ отношеніи? *Одного поля ягоды* на почвѣ царившаго у насъ *régime impérial bureaucratique*, тѣ и другіе, разумѣется, въ его увѣнчаніи конституціоннымъ завершеніемъ и видятъ теперь единственный способъ уцѣлѣть на своихъ насиженныхъ мѣстахъ: ковчегъ своего спасенія.

Пропаганда конституціи всѣми нашими „интеллигентами“ заодно съ дѣйствіями зарубежной революціонной партіи—(преслѣдующей свои особыя цѣли при этомъ, но цѣнящей весьма

дорого союзничество съ нездравой частью нашего общества, ссужающей ей агентовъ повсюду)—эта конституціонная пропаганда такъ распространилась напослѣдокъ отъ приморской сѣверной столицы до горъ Кавказа, что и плодимый ею общественный обманъ, дѣйствительно, уже могъ казаться въ наши послѣдніе дни общественнымъ мнѣніемъ цѣлой-же Россіи. Судя по нашимъ газетамъ, по крайней мѣрѣ, такъ ужъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: петербургская *Русь* въ каждомъ изъ своихъ нумеровъ выдаетъ это за аксіому.

Но заворошились по городамъ и пригородамъ русскіе люди, которые при общей шумихѣ, поднятой у насъ организаторами общественнаго обмана, долготерпѣливо молчали и невытерпѣли напослѣдокъ. И не только города съ пригородами, но и села съ приселками уже заворошились. Какъ ни билась и не выбивается изъ силъ вражья пропаганда совратить всѣхъ на свою сторону, повторяя еще съ 60-хъ годовъ крестьянамъ все одни и тѣ-же посулы, старыя погудки на новый ладъ, и какъ ни вторятъ дикой пропагандѣ нѣкоторые изъ нашихъ юрисконсультовъ—не собьютъ народа съ толку и не заставятъ вѣрить въ ложь. Начали мало по малу раздаваться голоса изъ народа и все громче усиливаются съ каждымъ днемъ. Къ чести многихъ русскихъ людей, дѣйствительно принадлежащихъ къ общественному слою, начинаютъ уже и общественныя заявленія выражать у насъ *разумѣніе* православнаго многомилліоннаго народа. Это ужъ не общественный обманъ, распространяемый петербуржской *Русью,* и подобными ей газетами, а зачатки зарождающагося—прямо сказать—общественнаго мнѣнія на Руси.

Лишь въ этихъ слабыхъ начинаніяхъ—въ этихъ не болѣе какъ только еще пролегоменахъ зарождающагося у насъ дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія, котораго не доставало до сихъ поръ—и можно пока видѣть благія послѣдствія царскаго призыва, обращеннаго къ русскому народу такъ давно тому назадъ. Ибо, съ 1903 года февраля 26 дня, прошло уже два года слишкомъ; а въ эти послѣдніе годы, въ наши нынѣшніе дни, событія спѣшатъ такъ шибко, что не по днямъ, а по часамъ въ пробуждающемся народѣ ростетъ и его самосознаніе.

И вотъ въ такіе-то наши дни напослѣдокъ, когда и указанныя Сенату 12 декабря 1904 года *„Предначертанія къ усовершенствованію государственнаго порядка“* не привели къ желанной цѣли законотвореніемъ Комитета Министровъ, вновь услышала вся Русская Земля, въ царскомъ манифестѣ теку-

щаго 1905 года о томъ, что *„Со смиреніемъ принимая всѣ ниспосланныя Правосудіемъ Божіимъ испытанія“*, Государь призываетъ *„всѣхъ Русскихъ людей, вѣрныхъ завѣтамъ родной страны, радѣть о всякомъ Государевомъ дѣлѣ“*. Въ рескриптѣ-же на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ выражено еще опредѣлительнѣй, что *„совмѣстная работа Правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ всецѣло отвѣчаетъ душевному желанію Государя“* и возвѣщено *„намѣреніе привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“*. Однимъ этимъ полагается *régime impérial bureaucratique* уже отмѣненнымъ на будущее время; но, въ дополненіе къ тому, послѣдовалъ Высочайшій именной указъ, ясно увѣряющій, что господствовавшій сто лѣтъ, и больше, петербуржскій порядокъ, дѣйствительно, подлежитъ отмѣнѣ и обновляется по старинѣ. Указъ Сенату 18 февраля, „облегчающій всѣмъ вѣрноподданнымъ возможность быть услышанными *непосредственно* царемъ своимъ“, прямо возвращаетъ насъ съ чужбины домой. Это ужъ возвращеніе къ тому русскому народному воззрѣнію, по которому подавать челобитья Государю, печалуясь *„о нуждахъ благоустройства и улучшеніи благосостоянія народнаго“* представляется самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ,—а вовсе не какою-то политической прерогативой по правовому порядку, никакъ не *„правомъ петицій“* по образцу западныхъ законодательствъ.

Не хотѣлось-бы думать, чтобы послѣ такихъ, ясныхъ какъ майское утро, благожеланій со стороны Государя, наши „правительственныя сферы“, закорузлыя въ традиціяхъ петербуржскаго *régime impérial bureaucratique*, все еще не найдутся и теперь: какъ исполнить волю Государя и осуществить на дѣлѣ, раздавшуюся съ высоты Престола, благую вѣсть? Возможно-ли, чтобы и со стороны русскихъ людей, причисляющихъ себя къ обществу, все еще продолжались повторяться одни и тѣ-же дѣтскія высшія соображенія о назрѣвшей у насъ необходимости „конституціи“?

Но пусть неисправимые интеллигенты за-одно со своей родной братіей, неисправимыми бюрократами, продолжаютъ коснѣть въ своемъ. Возможно-ли, покрайней мѣрѣ, чтобъ тѣ изъ русскихъ людей общественнаго слоя, которые самую высоту своего положенія надъ стомилліоннымъ народомъ полагаютъ лишь въ томъ, чтобы въ мѣру силъ просвѣщенности своей, выражать въ ясныхъ логическихъ формахъ народное

разумѣніе, тогда как оно въ нѣдрахъ народа выражается лишь стихійнымъ чувствомъ и таится на степени инстинкта,—возможно-ли—говоримъ—чтобы хоть они не откликнулись теперь достойнымъ образомъ?

Но откликнуться по долгу совѣсти въ этомъ случаѣ значитъ: къ тѣмъ царскимъ предначертаніямъ, которыя обнародованы въ изданныхъ актахъ, не примѣшать—въ какую бы сторону то ни было—своихъ чисто-личныхъ измышленій, все равно: въ ограниченіе-ли, въ расширеніе-ли тѣхъ предначертаній.

Подобно тому, какъ манифестъ 1903 года 26 февраля, поручалъ правительственнымъ сферамъ: представить соображенія о порядкѣ исполненія государевыхъ предначертаній,—также точно и въ рескриптѣ на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ изображено: „Я признаю за благо учредить подъ Вашимъ предсѣдательствомъ особое совѣщаніе *для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли*".

Изыскать пути: какимъ образомъ обновить изветшавшій *régime impérial bureaucratique* въ духѣ сложившагося по русскому народному воззрѣнію Царскаго Самодержавія—вотъ, значитъ, неотложный вопросъ *насущный днесь*. Рѣшенный въ умѣ Законодателя тѣмъ существеннымъ положеніемъ, чтобы впредь привлекать *„лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ людей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ, къ ближайшему участію въ дѣлахъ государственныхъ"*,—онъ ни мало еще не предрѣшаетъ: 1) каковъ долженъ быть составъ *выборныхъ*? и 2) каково должно быть собраніе, въ коемъ они могутъ участвовать?

Рѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ именно и подлежитъ теперь тому Совѣщанію, въ которомъ министру Внутреннихъ Дѣлъ отведено предсѣдательское кресло. Объ этомъ Совѣщаніи до сихъ поръ огласилось только, что *оно предложенный ему вопросъ находитъ весьма труднымъ* и для разработки онаго прибѣгнетъ къ помощи *„государствовѣдовъ"*. Извѣстно, кромѣ того, что Совѣщанію представляется наиболѣе затруднительнымъ обсуждать вопросъ о выборныхъ относительно тѣхъ губерній, гдѣ еще не введены дѣйствующія въ прочихъ мѣстахъ „земскія учрежденія". Не въ этихъ-ли видахъ—можно-бы спросить—министерство Внутреннихъ Дѣлъ и спѣшитъ ввести таковыя скорѣй даже въ Сибири?

Исходя изъ этихъ данныхъ, оглашенныхъ Совѣщаніемъ, логически неизбѣжно предвидѣть: что именно привносится въ умѣ совѣщателей, какъ заготовляющійся матерьялъ для ихъ будущихъ рѣшеній, слѣдовательно: каковъ будетъ и оконча-

тельный результатъ ихъ засѣданій? Похоже на правду, что это будетъ рѣшеніе въ томъ-же духѣ, въ какомъ зачалось и съ зачатія состоитъ само министерство Внутреннихъ Дѣлъ, безусловно исповѣдующее *régime impérial: bureaucratique*—и только. Но это не значитъ, чтобы такое рѣшеніе въ данномъ случаѣ дѣйствительно совпадало съ мыслью и соотвѣтствовало воли Законодателя. Напротивъ даже, съ первыхъ-же шаговъ Совѣщаніе обнаружило уже, что растерялось въ изысканіи путей осуществленія царскихъ предначертаній, ибо видитъ затрудненія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Въ данномъ случаѣ, Сибирь и вообще мѣста, избавленныя отъ такъ называемыхъ „Земскихъ Учрежденій" наиболѣе представляютъ возможности найти „лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ людей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ", которые представляли-бы собою выборныхъ отъ не мнимаго земства. Въ мѣстахъ-же, засиженныхъ втеченіи десяти лѣтъ изобрѣтенными петербуржской бюрократіей „земскими учрежденіями", нынѣшніе такъ называемые *гласные*, съ ихъ уѣздными и губернскими управами, рѣшительно обезглашиваютъ народъ. Жалуясь на правительственныя сферы, что они, какъ чисто-бюрократическія, составляютъ средостѣніе, не допускающее голосу „земскихъ учрежденій" пробить эту стѣну, и сами они въ свою очередь, эти пресловутыя „земскія учрежденія", составляютъ ничѣмъ не лучшее, а во многихъ отношеніяхъ еще худшее средостѣніе, препятствующее настоящему земству, то-есть дѣйствительному народу, обезглашенному Гласными—сноситься съ Правительствомъ, возвысить свой голосъ до высоты Престола. Пресловутый актъ засѣданій 6, 7 и 8 ноября *„земскихъ дѣятелей"* во всей наглядности подтверждаетъ это.

Отсюда логически-же неизбѣженъ слѣдующій выводъ. То Совѣщаніе, въ которомъ министру Внутреннихъ Дѣлъ отведено предсѣдательское кресло, вынуждено будетъ склониться къ одному изъ двухъ. Или будетъ желать себѣ новыхъ, болѣе опредѣленныхъ и подробныхъ указаній, ссылаясь, что безъ того не въ состояніи формулировать основъ своей задачи. Или, сообразивъ, что испрашивать себѣ еще инструкціи въ данномъ случаѣ, прямо значило-бы сознаться въ своей неспособности вести порученное дѣло, они—совѣщатели—воздержутся отъ такого поступка и, съ грѣхомъ пополамъ, исполнятъ хоть формально *minimum* воли Законодателя по крайнему разумѣнію своему. Этотъ *minimum*, разумѣется, и сойдетъ на участіе *выборныхъ* въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, какъ это при существующемъ

régime impérial bureaucratique Сводъ Законовъ опредѣляетъ. Не надо быть пророкомъ, слѣдовательно, чтобы предсказать заранѣе: на министерскомъ языкѣ это и будетъ значить въ концѣ концовъ: призвать выборныхъ въ той или другой формѣ къ тому или другому участію въ разработкѣ законопроэктовъ, которые нынѣ-существующій Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ своимъ полагаетъ*.

При такомъ ходѣ вещей и положеніи дѣла—спрашивается—должны-ли молчать или напротивъ обязаны подать свой голосъ мирные обыватели, составляющіе истинное земство на Руси? Казалось-бы, вотъ случай, весьма благопріятный для рѣшенія самого вопроса: есть-ли у насъ общественное мнѣніе и существуетъ-ли дѣйствительно интеллигентное общество? Какъ бы ему не дать отвѣта и отъ себя на вопросы, предложенные гласному обсужденію самимъ Правительствомъ?

О, да! то общественное мнѣніе, которое по всей справедливости нынѣ зовутъ у насъ общественнымъ обманомъ, разражается громкимъ воплемъ всевозможныхъ заявленій по поводу Рескрипта 18 февраля на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ. Наше самохвалящееся „интеллигентное общество" и прикосновенные къ нему *государствовѣды*—не перестаютъ давать тысячи совѣтовъ Совѣщанію касательно обоихъ вопросовъ: во 1-хъ) какъ цѣлесообразнѣе съ ихъ собственной политической программой организовать составъ выборныхъ Русской Земли и во 2-хъ) какой именно политическій инструментъ, по ихъ плану, требуется создать изъ созванныхъ „земскихъ дѣятелей"? Въ ихъ творческомъ воображеніи рисуются уже двѣ палаты и все предрѣшено—включительно до исключенія крестьянъ изъ среды „выборныхъ".

Но въ отпоръ подобному общественному мнѣнію самохвалящагося интеллигентнаго общества,—видимое дѣло, какъ уже было сказано,—мало по малу пробуждается, чего не доставало до сихъ поръ, народное самосознаніе. Въ Москвѣ, какъ извѣстно, образовались цѣлые кружки и союзы русскихъ людей, поставившіе своей задачей не расходиться въ своихъ политическихъ взглядахъ—съ народнымъ русскимъ воззрѣніемъ. По выраженію одной московской газеты, она группируетъ вокругъ себя даже *партію* и окрестила ее прозваніемъ „монархическая партія". Можно основательно утверждать, что относительно царской власти всѣ въ русскомъ царствѣ до такой степени сходятся единомысленно между собой и православный народъ, какъ одинъ человѣкъ, до такой степени чтитъ въ Царѣ свою собственную апотеозу, что по этому основному крае-

угольному положенію политическаго катехизиса русскихъ людей—быть не можетъ „партій“ въ русскомъ народѣ. И та группа, которая считаетъ себя въ немъ „монархическою партіей“, такимъ образомъ, едва-ли всецѣло принадлежитъ къ русскому народу? при всей своей утилитарной благонамѣренности едва-ли сознаетъ во всей ясности и глубинѣ сущность Царскаго Самодержавія? и, вслѣдствіе того, нѣкоторыми изъ своихъ аргументовъ не рискуетъ-ли даже компрометтировать его?

Отъ этой опасности избавлены тѣ русскіе люди, которые въ формѣ старинныхъ братствъ, ратовавшихъ нѣкогда за православіе въ ополяченномъ краѣ, сплотились теперь во имя русской народности въ кружки и союзы—дабы, по крайнему своему разумѣнію, выражать и *разумѣніе*—не свое личное, а того народа, который для нихъ свой-же родной народъ. Никто изъ такихъ братчиковъ, разумѣется, не тщится быть „*представителемъ народа*“, ибо русскій народъ почитаетъ лишь Царя своимъ представителемъ и никого кромѣ; но всякій-же изъ братчиковъ тѣмъ болѣе и не согласенъ будетъ—развѣ лишь по недоразумѣнію—сопричислиться къ какой-бы то ни было изъ „*политическихъ партій*“, хотя-бы и „монархической“.

Итакъ, тому или другому кружку и союзу братчиковъ, или въ одиночку всякому изъ братчиковъ—должно-ли и возможно-ли вмѣшиваться совѣтами своими въ происходящія теперь работы того Совѣщанія, въ которомъ министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено предсѣдательское кресло?

И да и нѣтъ, разумѣется, смотря по экстенсивности и интенсивности подобнаго вмѣшательства. Несвоевременно и вообще неумѣстно было-бы предрѣшать собственными настояніями рѣшеніе вопроса, предоставленное Совѣщанію, которое въ качествѣ правительственнаго учрежденія имѣетъ возможность знать ближе изволеніе Законодателя, чѣмъ всѣ частные лица. Необходимо однако-жъ, чтобы „*вѣрные завѣтамъ родной страны русскіе люди, радѣющіе честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Государемъ*“—безъ утайки высказались по поводу происходящаго Совѣщанія: какова ихъ мысль объ немъ?

Оба эта вопроса—1) каковъ долженъ быть составъ выборныхъ и 2) каково должно быть собраніе, въ коемъ они будутъ участвовать—пусть ближайше вѣдаютъ сами властьимущіе участники Совѣщанія. Но по обоимъ-же этимъ вопросамъ—есть и такая сторона дѣла, которая болѣе, чѣмъ правительственнымъ сферамъ, знакома и близка обывателямъ земства, неприкосновеннымъ ни къ какому властительству: тому-

ли, которое проявляютъ министерства съ ихъ отдѣлами и начальниками отдѣльныхъ частей, тому-ли, которое являютъ и такъ называемыя „Земскія учрежденія“, „Городскія Думы“ и пр.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оба эти вопроса—о составѣ выборныхъ и функціонированіи ихъ собранія—собственно говоря, одинъ и тотъ-же вопросъ; тутъ одно отъ другого неотдѣлимо. Скажите: что будетъ предоставлено вѣдать собранію выборныхъ? по отвѣтѣ на это рѣшится и каковъ долженъ быть составъ выборныхъ. Также и обратно, скажите: кого именно желаете вы включить въ составъ выборныхъ? только по отвѣтѣ на это рѣшится и вопросъ о желательномъ или нежелательномъ учрежденіи для такихъ выборныхъ.

Такъ, напримѣръ, если созваннымъ выборнымъ людямъ надлежитъ дать отвѣтъ на вопросъ общегосударственной важности, касающійся всего правопорядка на Руси,—притомъ вопросъ будетъ формулированъ такъ категорически, что отвѣтъ на него предстоитъ короткій: *да* или *нѣтъ*,—тогда чѣмъ обширнѣй будетъ составъ выборныхъ—тѣмъ лучше. Чѣмъ пропорціональнѣе своему количеству крестьянство, составляющее у насъ болѣе, чѣмъ двѣ трети всего народонаселенія, участвовать будетъ въ общемъ составѣ—тѣмъ больше и правды будетъ въ такомъ расширеніи состава выборныхъ. Напротивъ того, если выборнымъ предстоять будетъ отвѣчать на компликацію чисто казуистическихъ вопросовъ—(въ родѣ того напримѣръ, какъ устроить трибуналъ по дѣламъ печати, послѣ того какъ Комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ г. Кобеко, разрѣшитъ всѣмъ и каждому издавать газеты явочнымъ порядкомъ)—въ такомъ случаѣ, и составъ выборныхъ можетъ быть не полный, а болѣе или менѣе упрощенный, хотя во всякомъ случаѣ крестьянство неминуемо должно быть привлечено къ повинности дать выборныхъ и отъ себя.

При томъ, будетъ-ли собраніе выборныхъ совмѣщено съ тѣмъ или другимъ изъ существующихъ въ государствѣ учрежденій, или предоставлено ему будетъ засѣдать отдѣльно,—къ тому-же, постоянными-ли будутъ засѣданія выборныхъ или періодическими, или наконецъ даже не періодическими, а изъ года въ годъ будутъ составляться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ по мѣрѣ надобности—всѣ подобныя условія опредѣляютъ неразрывную взаимность обоихъ вопросовъ. *Каково предполагается учрежденіе—таковъ долженъ быть и составъ выборныхъ,—и обратно: каковы предполагаются выборные—таково должно быть и учрежденіе, въ коемъ предстоитъ имъ участвовать.*

Изъ одного этого ужъ ясно само собой, что, дѣйстви-

тельно, вовсе несвоевременно и неумѣстно пускаться въ подробности о чиносложеніи *выборныхъ* и о созданіи изъ нихъ того или другого политическаго инструмента. Предоставимъ это тому Совѣщанію, которое на то призвано въ качествѣ правительственнаго органа и доказало-бы лишь свою правительственную неспособность, еслибъ не съумѣло осуществить воли Законодателя: изыскать пути для ея осуществленія.

Со стороны мирныхъ гражданъ, простыхъ земскихъ обывателей, достаточно уже будетъ указать лишь схематически въ общихъ чертахъ: каковъ для насъ желателенъ духъ въ томъ учрежденіи, гдѣ будутъ участвовать наши избранники, эти выборные отъ Земли,—и какого духа должны быть сами они, эти *выборные*, чтобы достойно и праведно носить званіе „общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ лучшихъ людей"?

Что касается до учрежденія, то предполагается-ли оно слитнымъ съ другимъ, съ однимъ изъ существующихъ уже въ государствѣ, или самостоятельно-отдѣльнымъ, особымъ учрежденіемъ—пока говорятъ объ этомъ лишь отвлеченно—въ томъ нѣтъ разницы. Такъ, напримѣръ, въ древности существовавшіе Земскіе Соборы никогда не сливались ни съ Боярской Думой, ни съ Приказами, а *выборные* созывались въ особое, само себѣ довлѣющее учрежденіе,—и отъ этого не было худа. Такъ обратно и въ наши дни, если предполагается созванныхъ *выборныхъ*, напримѣръ, привлечь къ участію въ засѣданіяхъ уже существующаго учрежденія—скажемъ-ли: въ тѣхъ или другихъ комитетахъ, скажемъ-ли прямо: въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта—также и это само по себѣ еще худого не составитъ. Желательно, во всякомъ случаѣ, чтобъ этому собранію *выборныхъ* усвоенъ былъ мирный совѣщательный характеръ, а отнюдь не агрессивный характеръ „Учредительнаго Собранія". Но таковъ именно и есть нашъ Государственный Совѣтъ, который не законодательствуетъ, а вступающіе въ него законопроэкты только *мнѣніемъ своимъ полагаетъ*; отвергаетъ-же или утверждаетъ эти мнѣнія самъ Законодатель.

Итакъ, не предрѣшая вопроса объ отдѣльности или слитности собранія выборныхъ по отношенію къ существующимъ учрежденіямъ, кажется, довольно уже опредѣлить со стороны кружковъ и союзовъ русскихъ людей и поставить на видъ лишь то непремѣнное условіе, чтобы собранію *выборныхъ* предоставленъ былъ лишь совѣщательный голосъ, а никакъ не императивный, свойственный всуе-зовомымъ „совѣщательнымъ", а на самомъ дѣлѣ агрессивнымъ „учредительнымъ собраніямъ"—это первое. А во вторыхъ, такъ какъ челобитье передъ Царемъ о

нуждахъ населенія и о мѣрахъ благоустройства „государева-земскаго дѣла“, по русскому народному воззрѣнію, вовсе не составляетъ какой-либо политической прерогативы по правовому порядку, а въ томъ заключается естественная и простая потребность вѣрноподданныхъ Государя, что и подтверждено— одновременно съ Рескриптомъ на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ—указомъ Сенату объ облегченіи возможности всѣмъ вѣрноподданнымъ услышанными быть на верху,—то и самаго вопроса о зачинѣ законопроэктовъ нѣтъ надобности касаться. Весьма понятно, что какъ только Высочайше объявлено намѣреніе „привлекать выборныхъ къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“ —тѣмъ самымъ и порядокъ законотворенія, существовавшій при дѣйствовавшемъ *régime impérial bureaucratique*, отмѣняется. Что касается, такимъ образомъ, до вопроса объ учрежденіи *выборныхъ* относительно ихъ функцій въ „государевомъ-земскомъ дѣлѣ“—общее желаніе русскихъ людей, радѣющихъ о благѣ Родины, можетъ быть выражено единственной статьею: да будетъ собраніе выборныхъ *совѣщательнымъ*—и только.

Вопросъ о составѣ *выборныхъ* кажется съ перваго раза болѣе затруднительнымъ,—но это только съ виду. Въ старину у насъ—во всѣ времена, какъ-бы они ни были тяжки, и при всякихъ обстоятельствахъ, какъ-бы ни казались они критическими—вопросъ о *выборныхъ* не затруднялъ народа ни мало. Всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ цензъ, опредѣляющій достоинство *лучшихъ людей*. Если на этотъ счетъ въ современной нашей „интеллигенціи“ обнаруживается хаотическое смѣшеніе понятій—тому много причинъ. Наши интеллигенты, какъ общеизвѣстно, судятъ и рядятъ отечественную исторію по иностраннымъ учебникамъ: путаница въ умахъ уже по одному этому неизбѣжна. Но, кромѣ того, въ данномъ случаѣ, есть и другой камень преткновенія для современныхъ „интеллигентовъ“. Они не въ шутку увѣрены, что самъ стомилліонный народъ нашъ ничуть не творилъ русской исторіи и въ ней рѣшительно ни причемъ, а это они одни только сложили его судьбы и даже сейчасъ, всѣ оповѣщенныя преобразованія—думаютъ они— взялись не по требованію исторіи, а благодаря имъ, „интеллигентамъ“, никто кромѣ ихъ—по ихъ увѣренію—не знаетъ и сейчасъ: какъ именно совершить эти преобразованія? Свѣдѣнія о томъ и умѣнье приложить ихъ къ дѣлу они въ этомъ случаѣ почитаютъ своей личной прерогативой: въ томъ и видятъ главный цензъ, въ силу коего всѣми своими персонами, одни передъ другими въ обгонку, и рвутся быть *выборными* отъ Земли Русской.

Но руководясь народнымъ русскимъ воззрѣніемъ, что никто такъ вѣрно, какъ Царь Самодержавный, никто не видитъ такъ ясно съ высоты своего Царскаго Престола *„назрѣвшихъ потребностей государства въ соотвѣтствіи съ нуждами народной жизни“*, мы вѣримъ за-одно со всѣмъ русскимъ народомъ, что изволеніе нынѣ-царствующаго Государя, выразившееся въ Манифестѣ 1903 года 26 февраля, и далѣе подтвержденное *„Узаконеніями 6 и 7 іюня* слѣдующаго *1904 года о крестьянахъ“* и еще далѣе *„Предначертаніями къ усовершенствованію государственнаго порядка, въ Указѣ Сенату 12 декабря* того-же *1904 года“* и заключившееся наконецъ тремя государственными актами 18-го февраля текущаго 1905 года—несомнѣнно вѣримъ и утверждаемъ, что всѣ эти Царскія соизволенія *„времени зовущи, внушены Богомъ“*. Руководясь такою мыслью, мы ни на одно мгновенье не можемъ допустить того лживаго представленія, будто они самыя, эти истинно царскія изволенія, объявленныя народу большею частью къ неожиданному изумленію самихъ „министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями“ и проистекшія непосредственно изъ *сердца Царева*,—будто всѣ эти, одинъ за другимъ слѣдовавшіе акты, составляющіе лишь естественное послѣдствіе Манифеста 1903 года, составляютъ какую-то мечтанную уступку въ угоду какихъ-то „партій“ какого-то несуществующаго въ русскомъ народѣ революціоннаго движенія.

Пусть такъ думаютъ, кому это любо: пожалуй, они и правы въ нѣкоторомъ отношеніи... не въ томъ-ли однако, которое ихъ ставитъ уже въ прямую связь съ зарубежною революціонною партіей, существованіе которой, дѣйствительно, неотрицаемый фактъ. Что у Россіи много враговъ и они существуютъ не со вчерашняго дня,—что враги нашего государственнаго единства и цѣлости Русской Земли охотно пользовались всегда внутренней слабостью величавшейся по преимуществу лишь внѣшнимъ блескомъ „Россійской Имперіи“ и жаждутъ ея распаденія.—что издали, со стороны, они всегда видѣли и лучше насъ видятъ рознь нашей „интеллигентной публики“ съ кореннымъ нашимъ народомъ,—всегда расчитывали нанести намъ уронъ нашими-же собственными руками, всегда указывали, что найдутъ себѣ непремѣнное союзничество въ нездравой части нашего общества—вотъ эта правда. Что вмѣстѣ съ внѣшнею войной, накликанной недоброжелателями нашими на Дальнемъ Востокѣ, пророчили они-же быть у насъ и внутреннимъ смутамъ и раздорамъ, и всѣ силы употребляютъ до сего дня, опираясь именно на нездравую часть

нашего общества, произвести у насъ изъ края въ край революцію—безспорно и это.

Но пусть-же наконецъ поймутъ всѣ и ту простую истину, что хотя Россія теперь ведетъ войну съ японцами и вынуждена принимать мѣры противъ воинствующихъ предательствомъ, измѣною и крамолой,—но есть однако у нея и болѣе органическія заботы, иныя задачи, унаслѣдованныя ею въ двадцатомъ вѣкѣ отъ предыдущихъ столѣтій. Ей предстоитъ теперь избавиться отъ многаго, что привнесено было въ ея исторію XVIII-мъ вѣкомъ, какъ *чуждое начало,* отъ котораго еще съ половины прошлаго XIX вѣка она мало-по-малу и начала уже избавляться. Ей дѣйствительно, предстоятъ органическія преобразованія, но тѣ самыя, которыя должны искоренить роковыя послѣдствія реформаціи, совершившейся у насъ въ началѣ XVIII вѣка; надлежитъ теперь, какъ изображено въ словахъ нынѣ царствующаго Государя, „*преемственно продолжая царственное дѣло вѣнценосныхъ предковъ*—собираніе и устроеніе Земли Русской“, обновить „неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ“. Въ этомъ именно и заключается сущность преобразованій, соизволенныхъ Государемъ, такъ какъ лишь въ этой „*крѣпкой связи съ прошлымъ*“ и заключается „*залогъ прочности и устойчивости преобразованій въ будущемъ*“.

Принявъ такую точку зрѣнія и руководясь мыслью, которую въ этомъ случаѣ почитаемъ единственно правильною, болѣе уже не видимъ никакихъ затрудненій опредѣлить тѣ основы, коими слѣдовало-бы руководиться при созывѣ *выборныхъ* и тѣ черты, которыя было-бы желательно въ нихъ видѣть.

Исходя изъ двухъ положеній,—1-е) что это должны быть вѣрные завѣтамъ родной страны *лучшіе и достойнѣйшіе, довѣріемъ общественнымъ облеченные люди,* и 2-е) что они призываются *радѣть честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Государемъ* для укрѣпленія *порядка и правды въ Русской землѣ въ соотвѣтствіи съ вытекающими потребностями народной жизни*“—оба эти положенія и беремъ за основу для опредѣленія состава выборныхъ.

Прежде однако необходимо разсѣять тѣ сбивчивыя понятія и недоразумѣнія, которыя вѣчно застятъ у насъ истину, такъ какъ, говоря объ явленіяхъ нашей родной исторіи, смѣшиваютъ ихъ съ параллельными и однако не тождественными, повторявшимися на Западѣ.

Такое смѣшеніе политическихъ и соціальныхъ формъ, кристализовавшихся въ образцы вполнѣ законченные на Западѣ, съ искомыми въ нашей родной исторіи и свойственными на-

шей народной жизни—и вводитъ въ заблужденія. Едва произнесено, напримѣръ, самое слово *выборные люди*—и намъ ужъ грезится баллотировка ихъ шарами. А чуть заговорятъ о дѣятельности собранія *выборныхъ*, сейчасъ же въ умѣ рисуются парламенты, или по крайней мѣрѣ *états genéraux* и тому подобное. Простое дѣло вслѣдствіе этого, какъ его понимаетъ русскій народъ, привыкшій искони къ своему родному быту —(по которому весь государственный союзъ представляется ему тѣмъ же семейнымъ бытомъ въ приложеніи лишь къ обширнѣйшему изъ людскихъ союзовъ: къ цѣлому народу всей родины)—представляется нашему „интеллигенту" сложнымъ и запутаннымъ явленіемъ: повтореніемъ (аналогономъ) государствъ западныхъ. Но Русскій бытъ подъ верховной властью Самодержца, котораго самъ народъ призвалъ и поставилъ *„княжити и володѣти"* въ землѣ своей—дѣлается ужъ и вовсе непонятенъ съ точки зрѣнія формаціи тѣхъ государствъ, которые начались отъ завоеванія.

Въ такихъ государствахъ, гдѣ—какъ напримѣръ во Франціи—повелись франки и галлы, завоеватели и завоеванные, разумѣется, возникли и условія для соціальнаго разлада, образовались „сословныя перегородки" и распри влекли къ революціямъ,—составлялись компромиссы между представителями державства и представителями народа, что въ концѣ концовъ и разрѣшается „конституціями" то-есть льготными уставными грамотами всякаго рода. У насъ не было ничего подобнаго, а „интеллигенты думаютъ и въ нашей родной исторіи найти лишь повтореніе (аналогонъ) того же самаго. Сомнѣнья нѣтъ, что съ привнесеніемъ въ нашу исторію, въ XVIII вѣкѣ, *„чуждаго начала"*—одинаковыя причины произвели мало по малу и одинаковыя послѣдствія: еще въ 1824 году въ Петербургѣ, на Сенатской площади, происходила революціонная попытка съ цѣлью добиться „конституціи"; но при чемъ же тутъ Россія и русскій народъ? при чемъ *общественное мнѣніе*, которое у насъ должно выражать мнѣніе, по крайней мѣрѣ, ста милліоновъ русскихъ людей?

Съ 14 декабря 1824 года прошло чуть не цѣлое столѣтіе; благодаря царскому самодержавію, наша имперія избавилась отъ присущей ей язвы крѣпостнаго права,—благодаря царскому-же самодержавію готова уже, по манію нынѣ царствующаго Государя, вовсе отказаться отъ пути, свойственнаго имперскому абсолютизму, и возвратиться на нашъ родной, истинно Русскій, вольный и широкій: царскій и народный путь.

Менѣе чѣмъ когда-нибудь, теперь именно, пристало намъ

повторять зады конституціонныхъ катехизисовъ. Нашихъ „*передовыхъ*“, къ тому-же, напоминающихъ собою Декабристовъ прошлаго вѣка и живо свидѣтельствующихъ о томъ: какая конституція готовилась у насъ *вчера*, давно ужъ опередили, народившіеся отъ нихъ новѣйшіе передовые: *босяки*, пророки грядущей конституціи, увѣряющіе: какова она должна быть завтра.

Не знаешь съ чего и начать, чтобы разобраться въ хаотической путаницѣ понятій, господствующей среди нашихъ интеллигентовъ? Начнемъ съ того, что терминъ „народное представительсто“ и „представители народа“ они постоянно смѣшиваютъ съ другимъ терминомъ, „представительство и представители интересовъ“, а это не одно и то же. Сомнѣнья нѣтъ, если власть имущіе люди занимаются такимъ законотвореніемъ, которое затрогиваетъ чьи либо интересы, они обязаны при своемъ законотвореніи призывать „*представителей интересовъ*“, чьи „*интересы*“ они задѣваютъ. Такъ всегда и велось у насъ въ старину, пока не воцарилась бюрократія: въ томъ ея и свойство, что она командуетъ народу, а не выслушиваетъ его. Разъ завелась она и, зачавшись со введеніемъ у насъ *régime impérial bureaucratique*, шла въ гору и стала господствовать и напослѣдокъ разрослась, заслоняя собою даже царское самодержавіе, естественно, самый „либерализмъ“ обратился въ произволъ командировъ, требующихъ чтобъ весь народъ ихъ слушался и подчинялся имъ по субординаціи. Въ такомъ „*либерализмѣ*“ и сходятся у насъ теперь за одно всѣ бюрократы,—какъ думскихъ и земскихъ, такъ и министерскихъ сферъ. Это ужъ свойство либеральныхъ интеллигентовъ, почитающихъ народъ ни за что, чьи нужды, по ихъ мнѣнію, они знаютъ лучше и подробнѣй, чѣмъ самъ народъ. И даже чѣмъ „либеральнѣе“ власть имущіе люди изъ „интеллигентовъ“—будутъ-ли то „земскіе дѣятели“ или сами министры, главноуправляющіе отдѣльныхъ частей, предсѣдатели комитетовъ и т. п.—тѣмъ менѣе при ломкѣ чьихъ либо интересовъ, церемонятся они съ „представителями“ этихъ интересовъ. Занимаясь законотвореніемъ, посягающимъ, напримѣръ, на интересы крестьянъ, подобные „либералы“ отнюдь не допускаютъ *крестьянства* быть на лицо при ихъ законотвореніи. Образецъ тому представилъ, напримѣръ, комитетъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте, занимавшійся крестьянскимъ дѣломъ; то же самое обличается въ недавно напечатанной „запискѣ Д. Н. Шипова“, по которой въ Русской землѣ крестьянство отстраняется вовсе отъ существеннѣйшихъ функцій земства.

Итакъ, занимающіеся законотвореніемъ, затрогивающимъ чьи либо интересы, власть имущіе люди обязаны при функціонированіи творчества—призывать *„представителей интересовъ“*, объ нихъ же ведутъ рѣчь. Творя законы о ремесленникахъ ли, въ родѣ портныхъ и кузнецовъ, о дѣятеляхъ ли разныхъ вольныхъ профессій, какъ актеры, пѣвцы и т. п., объ ученыхъ ли и такъ называемомъ *литератѣ*, и проч. и проч. до безконечности,—всѣ имущіе власть проводить въ жизнь мѣропріятія и умоначертанія по части интересовъ этого исчисленнаго, а правильнѣе сказать неисчислимаго разнолюдья, обязаны призывать и выслушивать *„представителей интересовъ“*, объ нихъ же судятъ и рядятъ и чью участь рѣшаютъ властными умоначертаніями своими.

Но иное дѣло: „представительство интересовъ“ и совсѣмъ другое дѣло: „народное представительство“; ни въ какомъ случаѣ „представители интересовъ“, свойственныхъ тому или другому цеху, не могутъ быть допущены въ качествѣ „представителей народа“.

Таково русское народное воззрѣніе, и при такомъ взглядѣ весьма облегчается задача опредѣлить желательныя свойства *выборныхъ*,—упрощается и самый вопросъ: кого же должно разумѣть подъ „лучшими и достойнѣйшими русскими людьми“, правоспособными вѣдать государево-земское дѣло. Такъ какъ они призываются для *„усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни“*, съ тѣмъ вмѣстѣ еще *„для укрѣпленія правды въ Русской землѣ, привлекаются къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“*—ясное дѣло, что они должны знать личнымъ опытомъ и по неразрывной связи собственнаго быта со всѣмъ окружающимъ, во всѣхъ изгибахъ должны знать строй мѣстной жизни. Къ тому же отъ нихъ требуется прежде всего, и должно требовать главнымъ образомъ—не „представительства интересовъ“, свойственныхъ въ частности тому или другому цеху, а преданности Русской землѣ, какъ Родинѣ вскормившей ихъ и, въ свою очередь, вскормленной ими же самими черезъ цѣлый рядъ поколѣній Лишь такіе *выборные* и могутъ радѣть честно и совѣстливо въ единомысліи съ Государемъ объ укрѣпленіи правды и порядка въ Русской землѣ, объ общемъ благѣ великой родины своей по завѣту дѣдины и прадѣдины, создавшихъ наше государственное единство и цѣлость Русской земли.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ по русскому народному воззрѣнію заключается существеннѣйшій цензъ, по которому тотъ

или другой изъ русскихъ людей почитается правоспособнымъ быть *выборнымъ?* На западѣ выработалось одно понятіе о цензѣ для этого, а у насъ другое, отличное отъ западнаго. Тамъ принимаютъ во вниманіе во 1-хъ) *имущество,* при чемъ богатѣйшіе классы и первенствуютъ надъ прочими, во 2-хъ) „образованность", она же опредѣляется дипломами разныхъ заведеній учебныхъ и ученыхъ и т. д. Но монашествующая братія, напримѣръ, лишена всякаго имущественнаго ценза; а голосъ не только того или другого инока, даже схимника, дороже многихъ голосовъ цѣнился въ совѣтѣ Русскихъ Государей. Также и дипломы, дающіе право тому или другому кончившему курсъ въ учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ считаться „образованнымъ человѣкомъ", всегда казались, въ глазахъ русскихъ людей, весьма подозрительнымъ доказательствомъ той *„честности и совѣстливости"*, которыя несомнѣнно подобаютъ всякому образованному человѣку, но составляютъ однако-жъ свойство не риторовъ и граматиковъ, а благочестивыхъ душъ. Не отрицая полностью, такимъ образомъ, тѣхъ цензовъ, которые пользуются преимущественнымъ довѣріемъ на западѣ, русское народное воззрѣніе выработало на этотъ счетъ свою особенную мѣрку—для оцѣнки правоспособности быть *выборнымъ* во многолюдствѣ.

Такъ какъ въ жребіи *выборныхъ,* на ихъ же обязанности лежитъ печаловаться о государевомъ-земскомъ дѣлѣ, Русскій народъ видитъ отнюдь не политическую прерогативу, а служебную тягость, не юридическое преимущество по заведенному на западѣ правопорядку, а скорѣй повинность, которую, хочешъ ли или не хочешъ, а нести и справлять надо—то всякая изъ братій, коихъ несмѣтная совокупность и составляетъ весь православный народъ, считаетъ обыкновенно всѣхъ-же равно, числящихся въ той или другой братіи, одинаково правоспособными состоять въ *выборныхъ* и, весьма нерѣдко, прямо назначаетъ ихъ по жребію. Но ужъ самое это предопредѣляетъ еще и то, что въ своихъ *выборныхъ* Русскій народъ главнымъ образомъ цѣнитъ вѣрность ихъ родному быту, преданность дѣдинѣ и прадѣдинѣ своей, содѣйствовавшихъ устроенію всей Родины, прямо сказать: нашему государственному единству и цѣлости Русской земли.

Въ старину, какъ извѣстно, у насъ не было *„сословій по правовому порядку"*, а сословія складывались по быту обывателей земли. Поэтому, *съ одной стороны* справедливо будетъ сказать, что по русскому народному воззрѣнію *выборные* должны быть назначаемы у насъ не иначе, какъ *по сословіямъ.*

Но *съ другой стороны*, въ данномъ случаѣ и должно будетъ разумѣть подъ сословіемъ совсѣмъ не то, что подъ этимъ терминомъ разумѣетъ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.

Если найдено нужнымъ привлекать *выборныхъ* къ государеву-земскому дѣлу и подъ ними разумѣются *„лучшіе и достойнѣйшіе люди, радѣющіе честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Государемъ“*, ясное дѣло, это такая *новизна* для петербургскаго періода, въ которой именно *старина наша* слышится.

Въ ладъ съ этимъ и можно допустить выраженіе о *выборныхъ*, что они должны быть назначаемы не иначе, какъ *по сословіямъ*. Но если, слѣдуя такому взгляду по старинѣ, мы самый терминъ *сословіе* будемъ разумѣть въ томъ смыслѣ, какъ онъ значится въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, впадемъ въ лабиринтъ безвыходныхъ противорѣчій.

Подъ дворянствомъ и дворянами встарину разумѣлись служилые люди, служилое сословіе; а по жалованной Грамотѣ Екатерины въ терминъ „дворянство“ вмѣстилось понятіе совсѣмъ иное, напоминающее *noblesse dépée,* а передъ тѣмъ предшественникъ ея императоръ Петръ III и вовсе искоренилъ служилое значеніе дворянства, уволивъ его отъ обязанности служить. По русскому народному воззрѣнію, такимъ образомъ, даже до сихъ поръ подъ дворянствомъ разумѣются тѣ служилые люди, которые, оставаясь вѣрны призванію своего сословія быть во всемъ всегда и вездѣ передовою дружиной стомилліоннаго Русскаго народа—въ единеніи съ нимъ по преданности Царскому Престолу и полагаютъ главную основу служилаго значенія своего. Голосъ дворянства поэтому, въ силу такого именно народнаго взгляда, и почитается наиболѣе выражающимъ всесословный голосъ Русской земли. Даже установившееся втеченіи имперскаго періода „крѣпостное право“—хотя ослабило, не искоренило такого взгляда; а эмансипація крестьянъ вновь усилила его. По Своду-же Законовъ Россійской Имперіи подъ „дворянствомъ и дворянами“ разумѣется не совсѣмъ то, что въ томъ видитъ народъ. Такимъ же всесословнымъ характеромъ, можно бы сказать, отличалось изстари и отличается нынѣ, по отмѣнѣ *крѣпостного права,* само русское многомилліонное крестьянство. Къ нему даже не подходитъ терминъ *сословіе* въ юридическомъ смыслѣ, ибо нелѣпо называть девять десятыхъ народонаселенія—однимъ изъ сословій да еще нижайшимъ изъ всѣхъ низшихъ, какъ это значится въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи.

Послѣ такой оговорки, и вмѣщая въ терминъ *„сословіе“*

русское понятіе о людяхъ, отличающихся по быту, а не по правовому порядку,—по роду ихъ занятій, а не по суммѣ наибольшихъ или наименьшихъ юридическихъ правъ, вполнѣ вѣрно будетъ сказать, что если признано нужнымъ привлекать къ Государеву дѣлу *выборныхъ*, то они должны быть назначаемы *по сословіямъ*. Ясно, такимъ образомъ, что не *литератъ* и тому подобное разнолюдье, никакъ не *„представители интересовъ“* хореографическаго-ли искусства или другихъ,—должны выставлять кандидатовъ въ контингентъ *выборныхъ*, а заинтересованные единственно общимъ благомъ Родины, принадлежащіе къ тѣмъ исконнымъ бытовымъ сословіямъ русскіе люди, которые втеченіи вѣковъ и цѣлымъ рядомъ поколѣній жертвовали кровью своею и содѣйствовали всѣмъ своимъ бытомъ—бытію, восходившему отъ силы въ силу, великой Родины своей: нашему государственному единству и цѣлости Русской земли. Два исконныхъ бытовыхъ сословія, имѣющихъ наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи, и представляетъ наша страна—именно въ дворянствѣ и въ крестьянствѣ.

Терминъ *„сословіе“* въ такомъ же смыслѣ прилагается и къ православному духовенству, хотя въ другомъ значеніи, т. е. въ юридическомъ, принадлежность духовныхъ лицъ къ *сословію* по каноническимъ правиламъ возбраняется безусловно: не только не допустима, а даже и не мыслима.

Въ томъ же смыслѣ подъ сословіемъ, то есть по принадлежности къ тому или другому классу по роду занятій, разумѣются по русскому народному воззрѣнію и „торговые люди“. Безспорно, всѣмъ своимъ бытомъ и жертвованіемъ крови своей, наиболѣе именно *крестьянство* и *дворянство* содѣйствовали строенію Русскаго государства; неоспоримо однако, что встарь и духовенство и классъ торговыхъ людей не только бытомъ своимъ оставались вѣрны роднымъ завѣтамъ своей страны и, по званію своему и по роду своихъ занятій, содѣйствовали ея возвышенію, но при всякомъ болѣе значительномъ подъемѣ русскаго народа противъ враговъ отечества, проливали за него и кровь наравнѣ съ воинами по призванію.

Въ этой наибольшей степени участія въ строительствѣ историческихъ судебъ своей родины, такъ сказать въ домостроительствѣ государства, русскій народъ и полагалъ всегда, полагаетъ и нынѣ, главнымъ образомъ существеннѣйшій цензъ при назначеніи отъ себя *выборныхъ*. Не изгои, а домохозяева и домовладыки составляютъ коренное жительство всякой страны,—не безпочвенные бродники, скитающіеся повсюду и вездѣ почитаемые чужаками, а укоренившіеся на своихъ мѣстахъ,

свои своимъ мѣстамъ—повсемѣстно-же и составляютъ земскихъ обывателей.

Очевиднѣй всего это отразилось въ нашемъ *казачествѣ*: чисто-русское явленіе! Было время, что подъ казаками разумѣлись именно бродники, тѣ *вольные люди*, которые никакихъ надъ собой „*государственныхъ узъ*" не признавали. Когда государственность все крѣпче и крѣпче вводилась у насъ послѣ Василіевъ и Іоанновъ,—и именно во времена плѣнявшагося западными понятіями о государственности „чуднаго правителя Бориса Годунова"—много народа бѣжало изъ Московскаго Государства въ украйны. ‚*Бѣглый*" и „*казакъ*"—оба эти слова тогда чуть не обратились въ синонимы. И что-же? такъ какъ казачество тѣмъ не менѣе состояло изъ русскихъ людей, то оно, при всемъ своемъ разносмѣшеньи, мало-по-малу сложилось въ то плотное воинство, которое изъ вѣка въ вѣкъ все болѣе, по своему русскому духу, тянуло къ Русской землѣ и, хвалясь тѣмъ, стояло за старожитное русское бытіе, образовало изъ себя черезъ цѣлый рядъ поколѣній обывателей русскаго закала по-преимуществу,—образовало то доблестное воинство, о неразрывномъ единствѣ котораго съ цѣлымъ русскимъ народомъ—вся Европа хорошо узнала еще въ 1812 г., имѣла случай въ томъ убѣдиться и во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ—даже до сегодня Донъ и Уралъ дали отъ себя истовыхъ русскихъ людей и за рубежемъ, отдѣляющимъ Азію отъ Европы. Доблестное казачье воинство издавна служило оплотомъ Русской державы. Справедливо будетъ, поэтому, помянуть въ числѣ поборниковъ нашего государственнаго единства и цѣлости нашей земли, также и этихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи; а назначить изъ себя *выборныхъ* на призывъ Русскаго Царя они сумѣютъ не хуже, а пожалуй еще лучше всѣхъ другихъ „сословій", перечисляемыхъ въ *Сводѣ*, по которому нынѣ уже и торговые люди никакъ не разберутся въ своихъ „правопорядкахъ".

Теперешнее торговое сословіе утратило свое прежнее значеніе: къ нему пристать можно и по такъ называемому „промысловому свидѣтельству". Довольно извѣстно, что между купеческими родами Москва, напримѣръ, числитъ такія фамиліи, которыя еще во времена московскихъ царей, не только при послѣднихъ царяхъ московскихъ, но и при Іоаннѣ Грозномъ, числились въ „купечествѣ". Извѣстно-же, что многіе изъ купцовъ, именующіе себя нынѣ „комерсантами" и „негоціантами", брезгуютъ причислять себя къ купечеству,—не относятъ себя къ нему и носящіе званіе „мануфактуръ совѣт-

никовъ“, почетныхъ гражданъ и проч. и проч. Извѣстно наконецъ и то, что изъ платящихъ въ Москвѣ „*по первой гильдіи*“ двѣ трети купцовъ и больше, въ настоящее время, исповѣдники еврейскаго закона. Къ тому же, относящіяся до купечества узаконенія—одни въ Москвѣ и Петербургѣ, другія—въ губернскихъ городахъ, и даже въ губернскихъ городахъ—все разныя, а въ уѣздныхъ и мѣстечкахъ—опять новыя. Принимая точку зрѣнія на сословія Свода Законовъ Россійской Имперіи, а не Царства Русскаго, повторяемъ, мы впадемъ въ хаосъ безвыходныхъ противорѣчій. Но и въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ существуетъ у насъ такое купечество и не перевелись торговые люди, которыхъ фамиліи унаслѣдовались изъ рода въ родъ со временъ весьма давнихъ. Естественно требуется, и кажется справедливымъ, предоставить самимъ торговымъ людямъ, составляющимъ коренное купечество, разобраться въ томъ, кто—числясь по „правопорядку“ въ ихъ средѣ, остается въ ней чужъ-чужанинъ для всѣхъ, и кто въ ней—имъ свой. А по нынѣшнимъ промысловымъ свидѣтельствамъ, трудно назначать *выборныхъ* торговыхъ людей.

Очевидно, такимъ образомъ, что отстаивающіе у насъ теперь назначеніе *выборныхъ* непремѣнно *по сословіямъ*, а другіе рекомендующіе непремѣнную безсословность при этомъ—не то, держутъ себѣ на умѣ, что звучитъ въ словахъ *сословность* и *безсословность*, которыя благодаря съ *одной стороны* ходячему ихъ смыслу въ народномъ употребленіи, а съ *другой*, какъ термины, вошедшіе въ Сводъ Законовъ, обратились у насъ въ каламбуры.

Если девять десятыхъ цѣлаго народонаселенія нашей Имперіи заключается въ крестьянствѣ, и по Своду Законовъ крестьяне числятся сословіемъ въ юридическомъ смыслѣ, разумѣется, и *выборныхъ* отъ крестьянъ должно быть въ собраніи въ случаѣ обсужденія общаго „правопорядка“ на Руси—во столько больше противъ остальныхъ „сословій“ во сколько девять больше одного. Таково и должно быть общее собраніе въ полномъ своемъ составѣ при вопросахъ объ „общемъ правопорядкѣ“ на Руси. Если же вѣдѣнію собранія *выборныхъ* предстоитъ обсужденіе детальныхъ вопросовъ ежегодной, и вседневно измѣняющейся, обычной казуистики—составъ выборныхъ можетъ быть и не полный въ такомъ случаѣ, а въ той или другой формѣ упрощенный.

Должно однако-жъ замѣтить, что въ обоихъ случаяхъ—какъ въ первомъ, такъ и во второмъ—неизмѣнно требуется присутствіе крестьянъ въ томъ или другомъ количествѣ. Холмо-

горецъ Ломоносовъ—не изъ крестьянъ-ли? Нынѣ дѣйствующія „Земскія учрежденія" въ тѣхъ-ли мѣстахъ славятся хозяйственной распорядительностью, дѣловитостью и толковостью своей, тамъ-ли гдѣ преобладаетъ масса восхищающихся своей способностью къ государственнымъ дѣламъ, самохвалящихся „интеллигентовъ"? Но въ Вяткѣ, напримѣръ, мѣстныхъ интеллигентовъ меньше чѣмъ подъ Москвою, все больше крестьяне участвуютъ въ „земскихъ собраніяхъ", и однако-жъ тамъ дѣло ведется хуже-ли чѣмъ въ собраніи „земскихъ дѣятелей" Москвы и Петербурга? а къ тому еще надо прибавить, что въ тѣхъ „не столь отдаленныхъ мѣстахъ" весьма достаточно „ссыльной" интеллигенціи, мало благопріятной для земскаго порядка.

Итакъ крестьяне необходимо должны присутствовать въ собраніи *выборныхъ* въ какое бы учрежденіе не предстояло сгруппироваться *выборнымъ*—въ большемъ или меньшемъ количествѣ по существу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Собранія.

—„Какъ? спросятъ самохвалящіеся интеллигенты. Звать крестьянъ даже и въ Государственный Совѣтъ, если ужъ интеллигентному собору не дадутъ особаго мѣста, а сольютъ его съ засѣдающими въ Совѣтѣ?". Да, отвѣчаемъ, въ такомъ случаѣ, при массѣ интеллигентовъ должны непремѣнно присутствовать и крестьяне даже хотя-бы въ Государственномъ Совѣтѣ. Какъ уже сказано, по многимъ дѣламъ крестьяне наши разсуждаютъ весьма дѣльно, толковѣе дипломированныхъ „образованныхъ людей"—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, если бы даже въ томъ или другомъ собраніи *выборныхъ*, въ какой-бы формѣ ни организовали такое собраніе, присутствіе крестьянъ ограничивалось одною только ихъ наличностью въ засѣданіи, пассивнымъ молчаніемъ при пренiяхъ, важно и это самое: весьма важно само по себѣ и такое участіе ихъ въ засѣданіи уже однимъ присутствіемъ. Участвуя въ качествѣ простыхъ зрителей и слушателей государственнаго дѣлопроизводства, они чувствовали бы себя не исключенными изъ общаго состава дѣлателей,—воочію видѣли бы многозаботную трудность такого дѣлопроизводства и, по возвращеніи домой, утвердили бы сельчанъ, земляковъ своихъ, въ сознаніи той степенности, съ которою вверху верховъ ведется государево-земское дѣло, чему были живыми свидѣтелями. А такое общеніе и единеніе низинъ и верховъ, составляющихъ въ совокупности плотную силу, всегда составляло отличіе государственнаго строя Русской земли: втеченіи петербургскаго періода, при господство-

вавшемъ до сего времени *régime impérial bureaucratique* этого именно и не доставало. А главное, наконецъ, въ-третьихъ, чѣмъ именно дорого будетъ присутствіе крестьянъ слитно съ интеллигентами въ любомъ учрежденіи—объ этомъ прекрасно сказано въ Запискѣ Д. Х., въ настоящее время уже напечатанной въ „Русскомъ Дѣлѣ“. Присутствіе ихъ, по замѣчанію автора, производитъ прекрасное дѣйствіе во всѣхъ собраніяхъ, сдерживая ту развязность, которую, напримѣръ *„земскіе дѣятели“* не только позволяютъ себѣ, но даже почитаютъ необходимой обязанностью съ своей стороны, когда—вмѣсто крестьянъ—слушаютъ земскія прѣнія статистики и почвенники, санитары и прочіе *„интеллигенты къ обоимъ поламъ принадлежащіе“*, такъ какъ въ числѣ интеллигенціи, собирающейся слушать эти прѣнія, участвуютъ и курсистки. Не только „къ обоимъ поламъ“, но и „къ разнымъ націямъ“ принадлежитъ интеллигенція, присутствующая при ораторствѣ „земскихъ дѣятелей“: въ числѣ же инородцевъ, разумѣется, главная масса, между армянами, грузинами и проч., состоитъ изъ не караимовъ, а истовыхъ евреевъ.

Что касается до вопроса именно объ иновѣрцахъ и объ инородцахъ, когда обсуждаютъ задачи, подлежащія тому совѣщанію, въ которомъ предсѣдательское кресло отведено министру Внутреннихъ Дѣлъ—объ этомъ и вовсе приходится умолчать. Этого и подавно не слѣдуетъ предрѣшать въ бесѣдахъ частныхъ лицъ, которые состоятъ членами кружковъ и союзовъ, сплотившихся въ настоящее время для борьбы съ конституціоналистами. Этотъ вопросъ уже и вовсе не разрѣшимъ до тѣхъ поръ, пока остается въ неизвѣстности: какого рода функціи опредѣлены будутъ въ точности для предвозвѣщеннаго собранія *выборныхъ?*

На старинные Земскіе Соборы, напримѣръ иновѣрцы и инородцы не призывались,—хотя въ тѣ времена, болѣе чѣмъ нынѣ, интересы иновѣрцевъ и инородцевъ, уважались правительствомъ Со временъ отдаленной древности повелось на Руси такъ, что вошедшіе въ составъ ея державы иновѣрцы и инородцы не понуждались измѣнять своего прирожденнаго быта. Имъ не давали бунтовать противъ русскаго державства и приходилось по временамъ ихъ усмирять за неисправленье—и только. Но прозелитствомъ и ломкой ихъ обычаевъ и закона—правительство не занималось.

Понятно поэтому, что и при обновленіи русскихъ порядковъ привлеченіемъ *выборныхъ* къ государеву-земскому дѣлу—сами правительственныя сферы будутъ менѣе стремиться къ

ломкѣ закона и обычаевъ инородцевъ и иновѣрцевъ, чѣмъ это возможно было безъ участія *выборныхъ*. Но хозяева Русской страны—сами русскіе, а не инородцы.

При томъ вопросъ о желательности или нежелательности допустить инородцевъ и иновѣрцевъ въ русскій соборъ *выборныхъ* находится въ прямой связи съ вопросомъ объ Учрежденіи, въ которомъ выборные призваны будутъ участвовать. И это въ такой степени, что сами инородцы и иновѣрцы, къ имѣющему въ грядущемъ осуществиться новому учрежденію—отнесутся двояко. Учредите его однимъ образомъ: они будутъ рваться въ него и насильно требовать, чтобъ отворили имъ двери для впуска, хотя бы не было намѣренія ихъ допустить туда. Учредите его другимъ образомъ: они не захотятъ войти въ растворенную предъ ними дверь, какъ бы ихъ ни призывали, и упрутся войти туда, хотя бы ихъ гнали насильно.

Въ заключеніе изложеннаго содержанія считаемъ нужнымъ повторить его вкратцѣ.

Мы находимъ неумѣстнымъ предначертывать устроеніе того дѣла, которое ввѣрено *Совѣщанію*, ибо это значило бы дѣйствовать въ духѣ именно одной изъ *партій*, изъ которыхъ всякая спѣшитъ теперь составить свой планъ во всей подробности въ удовлетвореніе своихъ *партійныхъ* взглядовъ и силится навязать его правительству. Но тѣмъ болѣе почитаемъ нужнымъ опредѣлить тѣ начала и основы условій *выбора* „лучшихъ и достойнѣйшихъ людей“—начала и основы, которыя выработаны самой исторіей Русскаго народа, слѣдовательно, и не могутъ быть *партійными*.

Относительно собранія выборныхъ, въ качествѣ функціонирующаго учрежденія, довольно ограничиться единственнымъ положеніемъ, чтобы это было совѣщательное учрежденіе, категорически признанное за таковое. Если при этомъ мы и вдались въ нѣкоторыя подробности: быть-ли этому учрежденію самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ существующихъ нынѣ, или напротивъ слитнымъ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ—это по особой причинѣ. А именно въ виду того, что партія, именующая себя конституціонной и прочія, болѣе или менѣе смыкающіяся съ нею, требуютъ во что бы то ни стало собранія выборныхъ, какъ отдѣльнаго учрежденія. А это при хаотическомъ состояніи умовъ нашей современной интеллигенціи привело-бы къ „учредительному собранію“; а что „учредительное собраніе“, въ какой бы формѣ его ни осуществили, получитъ въ концѣ концовъ агрессивный характеръ—это безусловная истина. Слитіе же засѣданій *выборныхъ* съ засѣданіями чле-

новъ того или другого комитета, Государственнаго ли Совѣта —хотя-бы *выборные* участвовали даже во всѣхъ прѣніяхъ и по всѣмъ-же предметамъ, обсуждаемымъ въ Государственномъ Совѣтѣ—несомнѣнно предохранитъ собраніе *выборныхъ* отъ тѣхъ излишествъ, которыя съ ихъ стороны, на первыхъ порахъ ихъ неопытности, ожидать можно. Это безспорно.

Что же касается до состава *выборныхъ*, то ручательство за наличность въ нихъ свойствъ и качествъ желательныхъ и требуемыхъ отъ „*лучшихъ и достойнѣйшихъ людей*", опредѣляется по русскому народному воззрѣнію не совсѣмъ тождественно съ тѣмъ взглядомъ, который по этому поводу утвердился въ западныхъ государствахъ. Въ старину, напримѣръ, при созывѣ *выборныхъ* на Земскій Соборъ цари писали: „пришлите добрыхъ *богобоязненныхъ* людей". Но на богобоязненность нѣтъ регламента, ибо изобрѣтенная нашими бюрократами регламентація „*бываньe у исповѣди и причастія*"—такая же пустая формальность въ этомъ случаѣ, какъ и всѣ прочія измышленія бюрократизма. Въ манифестѣ Государя вѣрно изображена мысль народная словами: „*радѣющіе честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ*". И для ея оправданія въ приложеніи къ составу *выборныхъ* нѣтъ другого средства, какъ указать на тѣ бытовыя условія, которыя бы уже сами по себѣ обезпечивали болѣе или менѣе наличность добрыхъ свойствъ и качествъ, требуемыхъ и желательныхъ отъ избираемыхъ въ разнообразнѣйшемъ многолюдствѣ,—служили бы залогомъ и порукой правоспособности *выборныхъ* не всуе носить званіе „*лучшихъ, достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ*" избранниковъ.

Въ этихъ именно видахъ указано, что *выборные* должны быть назначаемы у насъ не иначе, какъ *по сословіямъ*,—указаны съ тѣмъ вмѣстѣ и они самыя—исконныя бытовыя сословія, образовавшіяся въ Русской землѣ по исконному-же ея быту, выразившемуся въ самомъ созданіи этихъ именно, а не иныхъ формъ.

При этомъ обнаружилось отличіе дѣйствительнаго устроенія Русской земли отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ оно формулуется статьями „Свода Законовъ Россійской Имперіи"—отличіе, доходящее иногда до полной разницы, наконецъ даже и до совершенной противуположности. Но въ этомъ заключается уже роковое противорѣчіе самого быта Русскаго народа и создавшагося вѣками самобытнаго строя Русской земли съ тою политической системой, которую водворилъ у насъ имперскій періодъ: съ абсолютизмомъ, внесшимъ въ нашу род-

ную исторію чуждое и несвойственное намъ начало: *régime impérial bureaucratique*. Съ самаго зачина той реформы, которую произвелъ Петровскій переворотъ въ началѣ XVIII в., уже предопредѣлился весь дальнѣйшій строй и путь, которыми неизбѣжно предстояло—какъ сквозь испытаніе—пройти Русскому народу: всѣ историческія перипетіи, пережитыя Русью столь мучительно по внутренней жизни народа при внѣшнемъ блескѣ Имперіи, заключившіяся наконецъ нынѣшнимъ современнымъ кризисомъ—отнюдь не случайность въ нашей исторіи: *подобало сему быти*, таковъ уже и былъ предопредѣленъ логически неизбѣжный историческій ходъ.

Для выхода изъ современнаго кризиса, изъ нынѣшняго крайне неестественнаго и напряженнаго донельзя положенія, въ которомъ напослѣдокъ очутился петербуржскій имперскій періодъ, дѣйствительно, нѣтъ другого средства, какъ одно изъ двухъ.

Или, по совѣту всевозможныхъ и невозможныхъ конституціонистовъ совсѣмъ *„приложиться къ западнымъ“*: усвоить ту или другую изъ тамошнихъ политическихъ формъ, колеблющихся отъ конституціоннаго монархизма до соціалистическаго анархизма. Остановимся-ли при этомъ на самой крайней формѣ или на средней или даже на умѣреннѣйшей изъ конституціонныхъ формъ—во всякомъ случаѣ то будетъ къ худу. Ибо это значитъ: не исцѣлиться отъ впущеннаго въ нашъ организмъ *чуждаго начала*, не извергнуть его вонъ изъ себя для полнаго оздоровленья, а имъ отравиться. Это значитъ: нашу внутреннюю болѣзнь внѣдрить въ насъ еще глубже и ужъ безповоротно и безнадежно—навсегда до смертнаго изнеможенія.

Или, естественный и прямой выходъ изъ постигшаго кризиса: намъ предстоитъ теперь возвратиться на родную дорогу, обновясь такимъ преобразованіемъ, которое бы избавило насъ вконецъ отъ занесеннаго въ нашу исторію *régime impèrial bureaucratique*.

А это и есть свѣтлый и ясный, тотъ самый благопріятный исходъ, который уже и возвѣщенъ *„намѣреніемъ“* Государя, *„душевно желающаго“* опираться на живыя силы народа: *„привлекать довѣріемъ народа облеченныхъ, лучшихъ и достойнѣйшихъ людей“* къ участію въ государевомъ-земскомъ дѣлѣ. Такое *преобразованіе*, истинно обновляющее по-старинѣ весь новѣйшій періодъ нашей исторіи, не есть-ли—прямо сказать—желаннѣйшее изъ желанныхъ всѣмъ русскимъ народомъ,—такъ какъ именно *неразрывность крѣпкой исторической связи съ*

прошлымъ и составляетъ *залогъ прочности преобразованій въ будущемъ*.

Но тутъ рубежъ, который—еще это вопросъ—въ силахъ-ли будемъ мы перейти? вопросъ *насущный днесь*. Съ одной стороны, весь персоналъ, олицетворяющій у насъ доселѣ *régime impérial bureaucratique*, а съ другой сама *публика*, все еще пребывающая въ розни съ народомъ,—это наше „интеллигентное" общество, рвущееся въ бой съ бюрократическими сферами, но составляющее одно съ самой бюрократіей, такъ что между ними происходитъ лишь братоубійственная брань изъ-за власти-же надъ народомъ—вотъ это современное положеніе обнадеживаетъ-ли въ успѣхѣ готовящагося преобразованія?

Русскій народъ только въ своемъ Царѣ самодержавномъ—какъ всегда видѣлъ такъ и теперь видитъ—поруку за выходъ изъ какихъ-бы то ни было затрудненій, какъ-бы они не были тяжки, и при всякихъ обстоятельствахъ, какъ-бы ни казались они критическими. Лишь Царя-Самодержца почитаетъ онъ своимъ представителемъ, и никого кромѣ. Олицетворяя въ немъ всю свою несмѣтную совокупность, всю общность, всю свою силу, всю власть—въ его неограниченномъ верховенствѣ и полагаетъ главное ручательство за охраненіе всеобщаго земскаго мира отъ всякихъ общественныхъ бурь. Въ такой именно увѣренности и можно *„въ надеждѣ славы и добра глядѣть впередъ безъ боязни"*. Благодаря именно ей, можно смѣло приступить къ разсмотрѣнію и того вопроса: да въ чемъ-же наконецъ тутъ заколдованная причина еще и того самаго, что единодушно и единогласно выражая желаніе двинуться въ путь и идти впередъ—который уже годъ все мы кружимся, какъ въ водоворотѣ, ни впередъ ни назадъ—толчемся на одномъ мѣстѣ?

Но это уже предметъ другой статьи.

Москва. 1905 г.
Май.

